

Но в семье не принято сентиментальничать, и Неля, роясь в ящиках комода, деловито, чуть капризно спросила:

— Мам, что мне Лорке подарить? На память о нашей дружбе.

— Найди что-нибудь сама, доченька, — рассеянно ответила мама. Все ее внимание сосредоточено на кастрюле, в которой шумно вздыхает каша.

«Мама, хорошая моя! Ты стараешься сделать для меня все-все, мне одной посвятила свою жизнь. Почему же ты ни разу не попыталась заглянуть в мою душу?..»

И, хотя в груди теснились ласковые слова, Неля шумно возмутилась:

— У-у! Даже духов порядочных нет, ничего! Живут люди на свете!

Приотворив дверь в кабинет отца, она независимо спросила:

— Пап, я возьму у тебя пятьдесят рублей?

Отец механически кивнул. Вцепился в книгу мертвой хваткой, на секунду не оторвется!

Взяв из отцовского кармана деньги, Неля хотела бежать в магазин, но мать торжественно объявила:

— Обед готов!

— Ох, уж этот обед! — иронически вздохнула Неля.

— Садись, садись, — мирно сказала мать, пододвигая дочери стул.

Неохотно проглотив ложку борща, Неля с трагическим видом воскликнула:

— Что это наварили?! Не борщ, а помои.

Взбалмошная девчонка! Ну зачем она обидела маму?.. Ничего, пусть знает, как ворчать на Варюшу!.. Мамочка, ну пойми же ты!.. Какое значение имеет борщ, когда вся земля затоплена солнцем, когда светлыми ручьями разбегаются по планете дороги, прямые, как стрела, и ясные, как день!

Словно подслушав Нелины мысли, мать беспокойно сказала:

— Не понимаю, почему тебя не тревожит проблема института. Уже неделя, как аттестат лежит в ящике. Я не сомневаюсь, что ты умница и очень способная. Но иногда бываешь так беспечна! Вчера я беседовала с Нинель Петровной. В мединституте она не последний человек...

Неля с печальной жалостью посмотрела на мать. Глаза, — как пуговики, на полном, кукольно-круглом лице. Ког-

да-то она была красива, умна, училась в университете, но все это позади, все поглощено мелочами быта. И красота и знания. Ради неумной любви к дочери. Но Неля вовсе не Молох. Зачем ей эти жертвы?.. Синий ромбик на маминной кофточке потускнел: мама не снимает его, даже отправляясь вместе с Варюшей на базар. Мамочка, неужели ты хочешь, чтобы я стала твоим двойником? Я, воспитанная советской школой и самой передовой в мире литературой? Ведь это было бы моим падением, моим несчастьем! У тебя же одно желание в жизни: чтобы я была счастлива. Зачем же тебе так искаженно представляется мое счастье? Помнишь, еще в третьем классе ты решила «сблизиться» с моей учительницей и оттолкнула от меня всех одноклассников? Меня стали дразнить «подлизой», хотя я была способна без всякого блата учиться на «отлично». И теперь ты хочешь меня «осчастливить» тем же самым!.. Конечно, ничего этого Неля не сказала. Она продолжала молча слушать стертые, бессильно-серые слова матери.

— Стесняться не приходится. Конечно, ты с твоими способностями могла бы обойтись без протекции. Но ведь вступительные экзамены — лотерея! А я желаю, чтобы моя дочь была врачом...

«Врач!» Мама произносила это слово, рассыпая многочисленные «р», и получалось что-то похожее на «гр-р-р-ач». Неля понимала — матери хочется, чтобы дочь находилась все время рядом, ведь медицинский институт был в их родном городе. Нежный, добрый родительский эгоизм.

Неля не выдержала:

— Ты забыла, что я тоже имею право желать. Так вот, я не желаю, слышите! Ваш уютный мирок не дает мне дышать!

Да, именно так она сказала тогда, хотя ей было всего восемнадцать лет. Конечно, эта фраза пришла откуда-то из книг. Ну и что же? Разве это плохо?

— Ты еще не можешь знать, что хорошо, что плохо, — как можно спокойнее сказала мать. — Позволь, чтоб о тебе позаботились более опытные люди.. Алеша, да скажи же ты что-нибудь! — воскликнула она. Лицо ее дрожало, но она крепилась и старалась сохранить некоторую величественность.

Отец никогда не интересовался Нелиным воспитанием.

В молодости мать, повздорив с мужем, всякий раз внушала дочурке: «Он не любит тебя. Он любит лишь тех друзей с ружьями, с которыми проводит целый день. А я люблю только мою единственную дочку». И в доказательство набивала карманы девочки дорогими конфетами. Перевоспитывать дочь отцу было некогда, и он перестал обращать на нее внимание.

Вот и теперь, выслушав мать, он положил в книгу аккуратную закладку и не то смущенно, не то лениво произнес:

— Мать права: медицинский институт — самая прямая дорога для тебя. Не поедешь же ты за тридевять земель.

— Поеду, назло вам поеду! И непременно — на Сахалин! — выпалила вдруг Неля, дерзко и задорно улыбаясь, чтобы поддразнить их. — Там катки знаете какие? А-ах!

— Хорошо, — сказала мать, надев маску невозмутимости. — Только учти, что помогать тебе мы не будем. Изволь жить на стипендию.

— Не пропаду! С моим характером, чтобы пропасть!

Вообще-то все произошло слишком скоропалительно. Шутя и играя, разорваны семейные узы. Ведь они не призрачны, нет. Родной дом, заботливая мать вошли в ее кровь, в ее душу с детства, с той поры, когда на пестром персидском половике она делала первые шаги... Но отступить — не в Нелином характере. Скоро ты поймешь, мамочка, что Неля уже не дитя, и простишь ей вынужденную дерзость.

А мать... Сначала она сказала свое хладнокровное «хорошо» просто так... поддерживая накал разговора. А потом она, очевидно, решила, что все это несерьезно. Пусть попутешествует! В первую же неделю поймет, почем фунт лиха. И вернется, оставив в пути книжные представления о жизни и телячью восторженность.

Неле было и радостно и непривычно тревожно. Жгучий холодок подкатывался к сердцу. Она бросилась на кровать, закинув руки за голову, и постаралась задуматься о будущем, может быть героическом будущем!..

Вспомнилась проблема отцов и детей в романе Тургенева. Был такой вопрос на экзаменах... Нет, она не Аркадий. И не Татьяна из «Мещан» Горького. Верная своим принципам, она пойдет до конца!

В комнату как-то боком вошла мать, пробурчала:

— Все о тебе думаю, аппетит потеряла.

— Иди, иди отсюда, не мешай мне думать! — непримиро сказала Неля. — Подумаешь, аппетит! Не похудеешь.

Мама... Какое горе ей причинила Неля! Ведь это драма. Но иначе нельзя. Долг всегда надо ставить выше личных чувств. Только тогда Неля сможет уважать себя, гордиться собою. Неля закрыла глаза. Что же будет с нею, а? Последствия ее поступка в то время ей совсем не представлялись. Как будто все должно произойти с кем-то другим, а не с ней.

Так началась ее жизнь вдали от родителей. Правда, не на Сахалине. Это было столь же нереально, как град Китеж.

Она послала документы вместе с Валеркиными в Москву. В институт, который ей по-настоящему нравился, — машиностроительный. Неля любила поэзию цифр. Будущая профессия — инженер, творец и покоритель машин — далеко уводила ее от уютного маленького мирка, уготованного матерью. Конкурс был большой, но Неля легко и уверенно перешагнула через все пороги. Валерка тоже поступил в институт. Его спасла серая шинель: как демобилизованный он шел вне конкурса.

В первое время было туговато. Пришлось отказаться от многих «милых» привычек, узнать цену деньгам.

Потом стало легче. Повышенная стипендия, платные лекции, которые иногда поручали ей читать в техникуме... Неля чувствовала себя если не окрыленной, то, во всяком случае, оперившейся. Ведь это же — самостоятельная жизнь! А пугали: «Жизнь, мол, зубаста!»

Радовало все. И «пятерки», которые приелись в школе, а здесь путеводительно засверкали, приобретая смысл; и множество юношеских глаз, любовавшихся ею, — она это чувствовала. В день стипендии коллективно ходили покупать пирожные и поедали их прямо в магазине. Несмотря на материальные нехватки, было по-детски весело.

— Как ты думаешь, какую мы стадию развития проходим? — дурачась, спрашивала она Валерку. — Юность или отрочество?

— Пожалуй, уже юность. Отрочество — сиречь «отречение от родителей» — пройденный этап.

Вот как это было... Права ли Неля? Да, ей кажется, что права.

...Захваченная воспоминаниями девушка шла по булыжным улицам Синегорска. Уже давно растаял закат, обуглились горы. Луна, наливаясь желтизной, чинно плыла к центру синего купола. Заблестели черные лужи, идти стало легче. И все-таки как Неля устала! Пальто оттягивает плечи, будто на каждом из них по гире.

Зачем оно ей? Ведь лето. Настоял Валерка: «Неприменно надень! Здесь, знаешь, какой климат? Сейчас тепло, а через час зубами начнешь щелкать». Валерка одержим нежной, прямо-таки отцовской заботливостью... Прошло не меньше часа, как они расстались, а Неля отчетливо видит его растерянное лицо. Прозвучал третий звонок, сердце в такт с часами отбивает последние секунды. Валерка, вместо того чтобы сказать что-нибудь важное, стиснув ей руки, без конца повторяет: «Не пей сырую воду... Не пей сырую воду!»

...Однако, ноги начинают саботировать, пора отдохнуть. Вон в скверике скамейка. Неля опускается на нее. Одна...

Она осталась в Синегорске, чтобы во время каникул заработать на зимнее пальто. Поступит на завод, где проходили практику.

Стипендию вместе с гонорарами за лекции поглощали столовая и музы (кино, театры). Родители делали попытку примириться, но Неля осталась принципиально тверда.

Вместе с Валеркой они скопили немного денег и купили ей демисезонное пальто, вот это, что сейчас висит на спинке скамейки. Но что в нем толку зимой.

У Нели снова навернулись слезы: «Как все печально!» Устыдившись слабости, она сердито смахнула со щек прохладные струйки слез: «Хватит воду лить! Или, может быть, захотелось вернуться к маме и вытирать пыль со слоников?..»

Начались окраины. Они красивы и величественны почти по-столичному. Размахнулись до самых гор. И все еще строятся и строятся. Вздрыбился подъемный кран. Черной решеткой уперлись в небо леса недостроенного здания. А вот и завод, ее, Нелин, завод... «Эксперимент...» — вспомнилась девушке недавняя мимолетная мысль. Нет. Он тут решительно ни при чем. Неля всегда поступала так, как требовали того долг и совесть.

Глава 2. ПОЧТИ СТОЛКНУВШИСЬ

Не доверяя будильнику, Неля вскочила с кровати, едва окна начали синеть от рассвета. Тревожное и радостное чувство. Сегодня она впервые идет на завод не как студентка, со стороны наблюдающая за работой других, а как фрезеровщица третьего разряда. Конечно, для этого не стоило учиться двенадцать лет. Но все-таки... все-таки хорошо...

Неля рано выходит из общежития, не дожидаясь, пока соберутся на работу девчата, ее соседки.

Со всех концов города к заводу тянутся вереницы людей. Будто завод — магнит. Медленно всплывает большое солнце. Оно бросает на светло-серый асфальт заводской площади желтые пятна.

У проходной — быстро текущая очередь. Неля встает рядом с рыжеусым плечистым дядей в темном комбинезоне, и ей кажется, что и сама она становится солиднее, сильнее.

Подойдя к окошечку проходной, Неля назвала свой рабочий номер.

— Фамилия? — изучающе взглянув на девушку, спросила табельщица.

— Ополева, — ответила Неля, и голос ее дрогнул от волнения.

Табельщица протянула пропуск — твердые клеенчатые корочки с фотографией, рабочим номером и строгой круглой печатью. Неля крепко сжала в руке пропуск: не потерять бы!

Заводская территория похожа на сад. Деревья смыкаются своими ветвями, образуя аллеи, похожие на зеленые туннели. Листья бросают кружевную тень на темные спины рабочих. В воздухе ровный бархатный запах цветов.

Люди идут по два, по три человека. Неля обгоняет то тех, то других, прислушиваясь к разговорам.

Трое мужчин, твердо и размашисто шагая, говорят о своем сменном мастере:

— Руки он моет чисто, да на руку не чист.

— Я ему: «Что ж это получается, Василь Егорыч? Не обеспечили меня работой сегодня, целый день собаке под хвост выброшен. Я не такой богатый, чтобы даром дни терять. Пишите простой». А он с угрозой, понимаешь, мне отвечает: «Что ж, говорит, я могу написать. Получишь ты

за простой по сорок копеек в час. Только как бы больше потом не вывало!»

— А что, он все может. С ним, брат, лучше не связываться.

— Э, не таким рога обламывали! Не теряйся, Петруня, не дадим в обиду, — мягко улыбнувшись, сказал третий. Неле припомнился его надломленный зуб, открытый улыбкой.

Бледная девушка с ленточками в косах звучно зевает и жалуется краснощекой веселой подруге:

— Не выспалась я, Фрося.

— Небось на свиданке ночь-то провела?

— Не до свиданий! Вечерняя школа — она даром не достается. А у тебя, говорят, опять новый «залетка»? С Генкой-то уже разбежались?

К ним присоединяются еще двое девчат.

— Что тихо идете? — спрашивает та, что постарше.

— Зачем спешить? На работу идем, Маринушка, а не с работы, — бойко отвечает краснощекая Фрося.

— Мне сегодня во сне привиделось, будто я чулки капроновые порвала. Те, что за одиннадцать рублей купила. К чему капроны снятся, а? — помолчав, с тревожной задумчивостью спрашивает Марина.

Двое ребят в низко надвинутых кепках крепко спорят о чем-то.

— Ты меня не объедешь, Федька, насквозь вижу.

— Нужен ты мне, как собаке пятая нога! Я девчонок привык на вороных объезжать. А с тебя какой прок! — выпалив это, Федор сверкнул глазами в сторону Марины.

Парни, обгоняя девчат, обнимают их, те незлобиво отбиваются.

Неле казалось, что эти обыденные и грубые разговоры пачкают ее светлые, радостные чувства, серой паутиной затягивают блеск солнца, свежую зелень деревьев.

Помнится, когда в первый раз она пришла сюда вместе со студентами, сколько было восторженных восклицаний: «Поразительно! Какая красота!»

А ведь это великолепие, эта красота для них, для рабочих.

Одна из девчат невольно привлекла Нелино внимание. Белый воротник выпущен на волю. Длинные ушки его плещут, как крылья чайки. Блестит черный сатиновый халат. Из-под него выглядывает каемка кумачового платья в горо-

шек. Лицо тоже, словно мелким горохом, усыпано веснушками. Юное, почти детское, сверкая восторженными глазами, оно обращается то к пестрой листве деревьев, пронизанной солнцем, то к высоким красным трубам заводских корпусов, то к фонтану, который широко раскинул голубой веер прохладных брызг. Глаза чуть-чуть косят. Словно они разбегаются в стороны, чтобы увидеть и вобрать в себя всю необъятность мира.

— Мариночка, это для чего? А это что? — дергает она за рукав подругу с тонкими морщинками усталости на лице, которая только что рассказывала о своем «капроновом» сне, а потом, обменявшись быстрым взглядом с Федором, вдруг замкнулась, отвечает ласково, но неохотно.

А девушка слушает с жадностью, влюбленно глядя на черные изогнутые брови Марины, на богатые косы, уложенные вокруг ее головы.

«Новенькая! — усмехнулась Неля. — Сверкает всеми красками, как дешевая кукла, только что выпущенная фабрикой!»

Вместе, почти столкнувшись, перешагнули обе они порог главного заводского корпуса.

Всюду жужжат, стучат, грохочут станки. То в ту, то в другую сторону скользят по цементному полу такелажные тележки, предупреждая Нелю пронзительными гудками. Ночная смена заканчивает работу.

Люди перед огромными станками кажутся удивительно маленькими. Некоторые уже вытирают тряпками руки, черные от металлической пыли, моют их эмульсией, чтобы на пальцах не осталось темных следов смазочного масла.

Потолок завода стеклянный, стены прорезаны большими окнами, но дневного света все равно недостаточно. На каждом станке — штатив с лампочкой, будто рука, согнутая в локте, держит желтую грушу.

Воздух густ от паров машинного масла, эмульсии и запаха подгоревшего металла. Вдоль стен зеленой лентой тянутся цветники. Листья растений неяркие, сероватые, но они так празднично выглядят здесь, в цехе, где преобладает черный цвет! Некоторые растения даже дерзнули расцвести.

На стенах пестреют сатирические листы. Один из них изображает щекастую, дородную работницу под руку с тощим господином, у которого острое, хищное лицо.

Подпись:

«У нее довольный вид:
В браке с Браком состоит».

Раскосая девчушка в блестящем халате остановилась рядом с Нелей. Глаза ее бойко пробежали по веселым строчкам и картинкам. Она так и зазвенела от смеха. Плескало через край жизнелюбие молодости. Щедро лилось оно на все окружающее. И на эти неуклюжие, яркие карикатуры со стихотворными подписями. Здорово, остроумно, интересно! — кричали ее серые, живые, как ртуть, глаза. На щеках плясали ямочки.

— Марина, а редактор? Кто редактор? — тормозила она свою притихшую подругу.

Неля тоже от души смеялась, читая сатирические листы. Смешными были не только рисунки и подписи, но и... грамматические ошибки, которые будто хвалились своим нигилизмом. Ее тоже заинтересовало, кто редактор, и она прислушивалась, что ответит Марина.

— Леха, тобой тут одна симпатичная интересуется! — закричала краснощекая Фроська.

Обращалась она к парню с ершеватыми, беспокойными волосами, который внимательно осматривал станок, принимая его от смѣнщика. Неля узнала в нем того... с надломленным зубом. Ведь это он только что сказал товарищу: «Не дадим в обиду!» Ну, конечно, он!..

К ребятам Неля всегда приглядывалась с интересом. Пусть безразличен он, пусть сердце уже занято. Но... это же у всех девчат такая черта: в каждом из ребят видеть возможного жениха...

Она отметила, что фигура у Лехи прямо-таки классическая, античная. Большой. С крепкими мускулами, обтянутыми спецовкой. С покатыми плечами. Сочетаются в нем и сила и какая-то... изящность.

Он неохотно оторвал свой взгляд от станка, поздоровался, спокойно спросил Фроську:

— Голосовые связки пробуешь?

— Новенькая вон спрашивает, кто у нас стенгазетный бог.

— Что случилось? — подойдя к новенькой, спросил Лешка и, встретившись с ее восторженными глазами, чуть улыбнулся. Опять Неля увидела надломленный зуб парня. Бросились в глаза юношеские прыщи на лбу. Хотя выглядел он не слишком молодо. Во всяком случае, не меньше четверти века прожил на свете.

— Вы редактор? — вспыхнув, спросила новенькая.

— Я редактор, — ответил он спокойно, без вызова, без насмешки, без задора. — Только не «вы», а «ты». Хорошо? В наш цех направили? Стало быть, это... свои люди! Зовут меня по-крещеному Алексеем. А по-нашему, по-рабочему, это... Лешкой.

Он стоял спиной к окну, опершись руками о каменный подоконник. Говорил мягко, негромко, без спадов и подъемов, с едва приметными паузами. Очень спокойно. Хотя и видно было, что перед девчатами чувствует себя не совсем в своей тарелке. Какой-то неловкий, словно спеленутый. Это ощущение усиливают брюки, засунутые в сапоги.

— А я Лиля Огнетова, — радостно и бойко отрекомендовалась девчонка. — Лилька, — поспешно поправилась она, снова покраснела и засмеялась. — Я тоже была в школе редактором. Но ведь на заводе — совсем другое дело!

Нелю почему-то раздражал Лилькин «детский лепет», ее преувеличенная, как казалось Неле, наивность. Говорит, вероятно, только для того, чтобы свой голос слышать!..

А Лешка словно не замечает этого. Смотрит на девчонку серьезно, без насмешки. Нет, «серьезно» — это неправильно. Есть приглушенный, скрытый юмор и в голосе, и в лице, и во всей красивой, ладной фигуре парня. Словно он не столько над Лилькой, сколько над собой, над этой своей спеленутостью добродушно подтрунивает. Как будто тихонько успокаивает и ее и себя: «Ничего, это только сначала, сейчас охладимся!»

— А вам... тебе нравится редактировать? — спрашивает девчонка.

— Вот этим я решил ни с кем не делиться, — чуть улыбнулся парень. И непонятно, пошутил или серьезно сказал: — У меня сложное положение, Лиля. Начальник же требует, чтобы в эпиграммку под карикатурой, кроме всего прочего, были втиснуты и задачи завода и план цеха...

В сравнении с Фроськой Лешка кажется неярким, без огонька. «Флегма!..» — усмехнулась Неля. Нет, такие тихони не в ее вкус!..

Неля взглянула на часы и испугалась: «Не опоздать бы!» Ведь ее цех в следующем корпусе.

За порогом на нее сразу набросился ветер, разметал